

Гилберт Кийт Честертон

Вечный Человек

Перевод с английского
Наталии Трауберг

ФТМ

Гилберт Кийт Честертон

Вечный Человек

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=134354

Вечный Человек: ФТМ; Москва; 2019
ISBN 978-5-4467-3391-0

Аннотация

«Вечный Человек» – трактат, написанный английским писателем и философом Гилбертом Честертоном в защиту христианской церкви. Книга Честертона состоит по большей части из общефилософских рассуждений. Они изложены прекрасным языком, остроумны, парадоксальны, местами увлекательны, но убедить могут все-таки только того, кто и так убежден.

Для Честертона христианство – религия любви и добра, религия свободы и радости, религия жизни. Вера, отвергающая пессимизм. Вера, которая находится в согласии с разумом, хотя и смотрит на мир другими глазами.

Содержание

Введение	5
Часть I	16
Глава 1	16
Глава 2	35
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Гилберт Честертон

Вечный Человек

Философский трактат

© Перевод. Н. Трауберг, наследники, 2019

© Агентство ФТМ, Лтд., 2019

* * *

Введение

(План этой книги)

Чтобы увидеть свой дом, лучше всего остаться дома; но если это не удастся, обойдите весь свет и вернитесь домой. В одной из моих книг¹ я поведал о таком путешествии. Теперь я хочу написать другую, которая (как все ненаписанные книги) лучше всего, что я писал до сих пор. Однако мне кажется, что я так и не соберусь за нее приняться, и потому я воспользуюсь сейчас этим образом. На пологих склонах долин – быть может, тех самых, где выцарапаны древние белые лошади², – жил мальчик, которому очень хотелось найти могилу или статую великана. Однажды он отправился на поиски, отошел подальше и увидел, что собственный его огород, сверкающий на солнце, словно яркий, многоцветный щит, – часть необъятного тела. Он просто жил на груди великана, и не видел ее, так была она огромна и так близка. Именно это, по-моему, происходит с каждым, кто думает сам за себя, и в этом – суть моей книги.

Другими словами, я хочу сказать, что лучше всего увидеть

---

¹ В одной из моих книг – путешествие вокруг света ради возвращения домой описано Честертоном в романе «Жив человек» (1912).

² ...где выцарапаны древние белые лошади – в Сассексе в течение многих веков выщипывают траву на меловых холмах, так что проступают древние изображения лошади.

христианство изнутри; но если вы не можете, взгляните на него извне. Популярным хулителям христианства не удастся его так увидеть. Они, в полном смысле слова, топчутся на ничьей земле и не уверены даже в своих сомнениях. Нападают они не прямо, а как-то сбоку и бьют не по важным, а по случайным нашим свойствам – вспомните столь привычную ныне антиклерикальную болтовню. Они обличают трусость священника, чью проповедь нельзя прервать, и говорят, что он окопался на кафедре, хотя не считают окопом редакцию газеты. Ни журналист, ни священник не заслужили обвинения в трусости, но журналисты все же больше заслужили этот упрек. Священник показывается нам, мы можем его ударить, когда он вышел из церкви; журналист нередко скрывает даже свое имя. Нет конца статьям и письмам о том, что церкви пустуют, но никто не потрудится зайти и посмотреть, пусты ли они или какие из них пусты. Антиклерикалы и агностики провозвестили всеобщий мир; их, а не нас поразила (во всяком случае, должна была поразить) всеобщая война. Если церковь опозорена войной, ковчег опозорен потопом³. Когда мир сбивается с пути, это лишь доказывает, что Церковь с пути не сбилась. Она оправдана не тем, что мы безгрешны, а тем, что мы грешны. Но так уж относятся теперь к церковному преданию – отрицают его, и все. Хорошо, когда мальчик живет на земле своего отца; хорошо, если

---

³ ...ковчег опозорен потопом – имеется в виду Ноев Ковчег, в котором горстка людей спаслась от всемирного потопа (Бт. VI–VII).

он отошел подальше и увидел свой дом. Но нынешние критики – ни там, ни сям. Они застряли в овраге, откуда не увидишь вершин. Они не могут стать христианами, не могут и забыть о христианстве. Вся суть их, все дело – в противлении, потому они так мрачны, несправедливы, придирчивы. Они томятся в тени веры, но утратили ее свет.

Конечно, лучше всего быть так близко от нашего духовного дома, чтобы его любить; но если вы не можете этого, отойдите от него подальше, иначе вы его возненавидите. Лучший судья христианству – христианин, но следующий за ним, скажем, последователь Конфуция. А вот хуже всего именно тот, кто особенно рад судить, – непросвещенный христианин, превращающийся в агностика. Его втянуло в конец распри, начала которой он так и не понял, и он устал слушать о том, о чем и не слышал. Он не может судить о христианстве спокойно, как сторонник Конфуция, или как сам бы он судил о конфуцианстве. Он не может волей воображения перенести Церковь за тысячи миль, под странные небеса Востока, и судить о ней беспристрастно, как о пагоде. Говорят, святому Франциску Ксаверию⁴ не удалось построить в тех краях церковь, вознесшуюся выше всех пагод, отчасти потому, что другие миссионеры утверждали, будто он и его помощники изображают апостолов в виде китайцев. Но гораздо лучше увидеть в них китайцев, чем безликих идолов или фигур-

---

⁴ Святой Франциск Ксаверий (1506–1552) – католический миссионер на Востоке, «апостол Индии», стремился основать миссию в Китае.

ки в тире, по которым может стрелять пустоголовый горожанин. Лучше увидеть в христианстве чужой, азиатский культ, в митре епископа – странный убор бонзы, в посохе – извившийся змеей жезл, в четках – молитвенное колесо. Тогда мы хотя бы не разъяримся, как скептики, и не поглупеем, как они. Их нелюбовь к священству стала атмосферой, необоримой атмосферой враждебности. По сравнению с ней было бы лучше увидеть Церковь на другом континенте или на другой планете. Было бы мудрее спокойно взирать на бонз, чем раздраженно ворчать на епископов. Лучше пройти мимо церкви, как мимо пагоды, чем топтаться на пороге, не решаясь ни войти и помочь, ни уйти и забыть. Тем, кому не дает покоя отвращение к моей вере, я искренне советую увидеть в апостолах китайцев, другими словами, судить о христианских святых так же справедливо, как о языческих мудрецах.

Теперь мы подходим к самому главному. Я попытаюсь показать в этой книге, что, если мы увидим Церковь извне, мы обнаружим, как она похожа на то, что говорят о ней изнутри. Когда мальчик отойдет далеко, он убедится, что великан очень велик. Когда мы увидим христианскую церковь под далеким небом, мы убедимся, что это – Церковь Христова. Словом, как только мы станем беспристрастными, мы поймем, почему к ней относятся с таким пристрастием. Об этом стоит поговорить немного подробнее.

Я понял, что повесть о Боге неповторима – и сразу вслед за этим понял, что неповторима и повесть о человеке, которая

вела к ней. Христианство поражает, если честно сравнить его с другими религиями; точно так же поражает человек, если сравнить его с природой.

Самые современные ученые изощряются в софизмах, чтобы смягчить переход от животного к человеку и не менее резкий переход от язычества к христианству. Чем больше мы узнаем об этих переходах, тем резче и поразительней становятся они для нас. Ученые же не видят их именно потому, что пристрастны, потому, что не хотят видеть разницы между черным и белым. Поддавшись досаде и протесту, они доказывают, что белое – грязновато, а черное – не так черно, как его малюют. Я отнюдь не хочу сказать, что для протеста нет причин; я не говорю, что позиция таких ученых непонятна и непростительна, я просто говорю, что она далека от научной объективности. Можно сказать, что иконоборец – в ярости, можно сказать, что он – в праведном гневе, но вряд ли можно сказать, что он беспристрастен. Только из чистого лицемерия можно обвинить в беспристрастии абсолютное большинство поборников эволюции, разоблачителей христианства и авторитетов по сравнительному изучению религий. Да и как им быть беспристрастными, какое может быть беспристрастие, когда весь мир спорит не на жизнь, а на смерть о том, великая ли надежда ведет нас, или сбивает с толку глупое суеверие?

Я не собираюсь быть беспристрастным, но я постараюсь все же быть беспристрастней, чем они. Я постеснялся бы го-

ворить о Далай-ламе⁵ тот вздор, который они несут о папе римском, или ругать Юлиана Отступника⁶, как они ругают иезуитов. Ученые не беспристрастны, они не соблюдают даже своих, ученых правил, особенно же пристрастны они, когда предпочитают быстрой перемене медленные, постепенные изменения. Они видят повсюду, как сгущаются сумерки, ибо верят, что это сумерки богов. Не знаю, но посмею предположить, что они не видят того дневного света, в котором живут люди.

Я утверждаю, что на дневном свету совершенно единственны, ни с чем не схожи животное, которое зовется человеком, и Человек, который зовется Христом. Поэтому я разделил книгу на две части – о людях, пока они были язычниками, и о том, как изменились они, когда стали христианами. И для первой части, и для второй понадобился особый метод; применять его нелегко, еще труднее – определить и защитить.

Чтобы стать беспристрастным в здравом, единственно верном смысле слова, надо увидеть все заново. Мы видим честно, когда видим впервые. Вот почему, скажу мимоходом, детям совсем нетрудно принять церковные догматы. Но Церковь, столь успешно помогающая трудиться и бороться,

---

⁵ Далай-лама – глава ламаистской церкви (тибетское ответвление буддизма)

⁶ Юлиан Отступник (331–363), римский император с 361 г. Издал эдикты против христиан, пытался возродить языческие культы, обосновав их философией и мистикой неоплатонизма.

рассчитана и на взрослых, не только на детей. Для пользы дела в ней есть и много привычного, есть традиция, даже рутина. Пока человек честно чувствует ее суть, это вреда не приносит. Но когда он усомнится в самом главном, необходимо вернуть ему детскую простоту и детское удивление – тот реализм, ту объективность, которых нет без невинности. Попробуем же сделать это, а если не сможем, попробуем хотя бы, чтобы он увидел, как дико, как безумно то, что мы хотим ему показать. Все вправе быть простым и привычным, если это ведет к любви, но не к пренебрежению! Как бы ни относиться к тому, о чем мы поведем речь, пренебрегать этим не стоит. Если вы пренебрегаете, если вы это презираете, вы – в заблуждении. Чтобы вы увидели все, как оно есть, надо пробудить самую дикую фантазию.

Это станет понятней, если я сошлюсь на что-нибудь – нет, на все то, что считают прекрасным или чудесным. Джордж Уиндэм⁷ рассказывал мне, что он видел, как поднимался один из первых аэропланов, и это было чудесно, хотя и не чудесней коня, который дал человеку сесть на себя верхом. Кто-то сказал, что человек на коне – самое прекрасное зрелище в мире. Пока мы это чувствуем, все в порядке. Легче и лучше всего чувствовать это, если тебя научили любить животных. Мальчик, помнящий, как хорошо отец ездил на коне и как хорошо с конем обходился, знает, что конь и человек могут ладить. Он возмутится, когда обидят лошадь, ибо зна-

---

⁷ Уиндем Джордж (1863–1913) – английский политический деятель, писатель.

ет, как надо с ней обращаться; но не удивится, что человек седлает ее. Он не станет слушать современных философов, которые скажут ему, что лошадь должна бы седлать человека; не поддастся безрадостному вымыслу Свифта⁸ и не поверит, что люди – это мерзкие обезьяны, а лошади – светлые боги. Конь и человек, вместе, добры и мудры для него, и потому могут стать символом чего-то высшего, скажем, святого Георгия. Сказка о крылатом коне его не удивит; и он поймет, почему у Ариосто христианские рыцари скачут по небесам.

Но если человек утратил удивление, его надо лечить, и совсем иначе. Предположим, что всадник на коне значит для него не больше, чем человек, сидящий на стуле. Красота, которую видел Уиндэм, – красота конной статуи, красота рыцаря – стала для него обыденной и скучной. Он думает, что она была только модой, а теперь из моды вышла; а может, он просто устал от фальшивых ее восхвалений или от тяжелого ухода за лошадьми. Что бы ни было причиной, он ослеп и не увидит ни коня, ни всадника, пока они не покажутся ему совершенно незнакомыми, как если бы они явились с другой планеты.

Тогда из темного леса, на заре времен, к нам неуклюже и легко выйдет удивительнейшее создание, и мы увидим впервые непомерно маленькую голову на слишком длинной,

---

⁸ Свифт Джонатан (1667–1745) – английский писатель, автор «Путешествий Гулливера» (1726). В 4-й части «Путешествий» Гулливер попадает на остров разумных лошадей, которым прислуживают ничтожные, выродившиеся люди.

слишком толстой шее, словно химера на трубе, и гриву, подобную бороде, выросшей не там, где надо, и крепкие ноги с цельным, а не с раздвоенным копытом. Существо это можно назвать чудищем, ибо таких на свете больше нет, но главное здесь – в ином: если мы увидим его, как видели первые люди, мы лучше поймем, как трудно им было его объездить. Пусть оно не понравится нам, но поразит – непременно; поразит и двуногий карлик, покоровший его. Длинным кружным путем мы вернемся к чуду о коне и человеке, и оно, если то возможно, станет еще чудесней. Мы увидим святого Георгия, который еще отважней, ибо скачет на драконе.

Это просто пример, я не хочу сказать, что чудище первых людей реальней или лучше обычной кобылы в обычном стойле обычного человека, который не видит в ней ничего удивительного. Если уж выбирать, я выберу эту крайность, простой и здравый взгляд. Но истина – в этих крайностях, ее нет в туманном промежутке усталости, привычки, небрежения. Лучше увидеть в лошади чудище, чем дешевый и медленный автомобиль. Тому, кто дошел до этого, полезно ее испугаться.

То же самое можно сказать и о чудище-человеке. Конечно, лучше всего видеть его так, как видит мое учение. Всякий христианин уверен, что христианское отношение к человеческой природе мудро и здраво. Но если мы его утратили, нам поможет только причудливое видение – странное, диковинное животное. Увидевший чудище в лошади восхи-

тится удалью всадника; увидевший, сколь странен человек, удивится путям Господним.

Словом, мы поймем, что человек – не животное, если посмотрим на него как на животное. Все дороги ведут в Рим, к здоровью и мудрости можно прийти через страну сказок и нелепиц, хотя лучше бы и не покидать край Предания, где люди на конях – звероловы перед Господом⁹.

Точно так же должны мы сбросить бремя привычности, когда речь идет о христианстве. Почти невозможно оживить то, что слишком знакомо, ибо мы, падшие люди, устаем, привыкая. Если бы удалось поведать о Христе как о герое китайского мифа, именуя Его Сыном Солнца, а не Сыном Божиим и выложив его сияние из золотых нитей китайских вышивок или золотых китайских лаков, все поразились бы чистоте и высоте моей повести. Никто и слова не сказал бы о несправедливости предстательства или о нарушении законов природы. Все восхищались бы тонкостью и глубиной тех, кто понял, что наше зло поистине вопиет к небу. Все восхищались бы сокровенной мудростью тех, кто знает, что законы мироздания выше известных нам законов, – верим же мы любому индийскому заклинателю, которому захотелось поговорить с нами в этом духе. Если бы христианство было новой восточной модой, никто бы не назвал его устаревшей восточной верой. Я не собираюсь, как Франциск Ксаверий, одевать апостолов мандаринами. Я не собираюсь, хоть это полезно

---

⁹ Сильный зверолов перед Господом – Немврод (Бт. X, 9).

и занятно, пересказывать Евангелие и всю историю Церкви как языческий миф, ехидно замечая, что в этом-то случае ее оценят. Но я собираюсь, где смогу, подчеркнуть новизну и необычность, ибо даже такие серьезные вещи можно изображать странно и причудливо. Я хочу, чтобы читатель посмотрел извне, издалека, со стороны, ибо тогда он увидит христианство на фоне истории и человечество на фоне природы – не смутными, как полотно импрессиониста, а четкими, как щит. Слово белый лев в алом поле или алый крест – в зеленом сияет человек на зелени мира, Христос – на красной глине рода Адамова¹⁰.

---

¹⁰ *Красная глина рода Адамова* – глина, из которой сотворен первый человек (Бт. II, 7). «Adam» буквально означает «красный»; имя это связано со словом «земля», по-видимому, «краснозем».

Часть I

О существе, которое зовется человеком

Глава 1

Человек в пещере

Далеко, в странном созвездии, в беспредельно далеких небесах есть маленькая звезда, которую, быть может, еще откроют астрономы. Во всяком случае, судя по лицам и повадкам многих астрономов и вообще ученых, они ее не открыли, хотя и ходят по ней. Звезда эта порождает странные растения и странных животных. Поразительней же всего – сам ученый. Так начал бы я историю Земли, если бы, следуя научной методе, решил исходить из Вселенной. Я попытался бы увидеть Землю извне не для того, чтобы определить, как далеко она от Солнца, а для того, чтобы понять, какова она для совершенно стороннего наблюдателя. Почему, изучая человечество, надо расчеловечиваться? Почему нужно преуменьшать наш мир, грубо принижая дух непомерностью расстояний? Я мог бы показать Землю незнакомой звездой, чтобы увеличить ее значение, но не стану показывать ее ма-

ленькой звездочкой, чтобы ее значение уменьшить. Скорее уж я напомню, что мы вообще не считаем ее небесным телом в том смысле, в каком считаем местом, и местом удивительным. Говорю об этом не ради астрономии, а ради много более близких вещей.

Одно из моих первых газетных приключений (или крушений) было таким: в небольшой рецензии на книгу Гранта Аллена «Эволюция идеи Бога»¹¹ я заметил, что интересно бы прочитать Божью книгу «Эволюция идеи Гранта Аллена». Редактор вычеркнул эту фразу, убоявшись кощунства, а я повеселился. Смешно как-никак, что он и не заметил, сколь кощунственно заглавие книги. Ведь если перевести его на человеческий язык, выйдет примерно так: «Сейчас я покажу, как развивалась дурацкая мысль, будто есть Бог». Мой же вариант дышал благочестием – я признавал Промысел Божий в самых туманных, если не бессмысленных, явлениях. Тогда я научился многому, в частности я узнал, что степень правоверия агностики определяют на слух. Редактор не увидел кощунства потому, что у Аллена главным было длинное слово; у меня же шло короткое, и оно его оскорбило. Теперь я знаю, что, если вы поместите в одну фразу слова «Бог» и, скажем, «дурак», сочетание этих недлинных слов сразит читателя, как выстрел. А говорите ли вы, что Бог создал дурака или что дурак создал Бога, – неважно, это уже пустые споры

---

¹¹ Аллен Чарлз Грант (1848–1899) – английский ученый, писатель. Книга «Эволюция идеи Бога» написана между 1896 и 1899 гг.

сверхпридирчивых богословов. Другое дело, если вы начнете со слова длинного, вроде «эволюции», дальше все пойдет как по маслу. Редактор – человек занятой, зачем ему читать до конца?

Это незначительное происшествие запечатлелось в моей душе, как притча. Современные истории человечества начинаются обычно с эволюции по той же самой причине. Есть в этом слове, даже в идее что-то неспешное и утешительное, хотя слово не очень удобно, идея – не слишком удачна. Никто не может вообразить, как нечто развивается из ничего, и нам не станет легче, сколько бы мы ни объясняли, как одно «нечто» превращается в другое. Гораздо логичнее сказать: «Вначале Бог сотворил небо и землю»¹², даже если мы имеем в виду, что какая-то невообразимая сила начала какой-то невообразимый процесс. Ведь «Бог» по сути своей – имя тайны; никто и не думал, что человеку легче представить себе сотворение мира, чем сотворить мир. Но почему-то считается, что если скажешь «эволюция», все станет ясно. Есть у этого слова роковая особенность: тем, кто его слышит, кажется, что они поняли и его, и все прочее; точно так же многие серьезно верят, что читали «Происхождение видов»¹³.

Ощущение плавности и постепенности завораживает нас,

---

¹² «Вначале Бог сотворил небо и землю» – Бт., I, 1.

¹³ «Происхождение видов» (1859) – знаменитая книга Чарлза Дарвина (1809–1882), заложившая основы современной теории эволюции.

словно мы идем по очень пологому склону. Это – иллюзия; к тому же это противно логике. Событие не станет понятней, если его замедлить. Для тех, кто не верит в чудеса, медленное чудо ничуть не вероятнее быстрого. Быть может, греческая колдунья мгновенно превращала мореходов в свиней¹⁴, но если наш сосед моряк станет все больше походить на свинью, постепенно обретая копыта и хвостик закорючкой, мы не сочтем это естественным. Средневековые колдуны, быть может, могли взлететь с башни; но если пожилой господин станет прогуливаться по воздуху, мы потребуем объяснений. Однако рационалистам, исследующим былое, кажется, что вы станете проще, даже тайна исчезнет, если мы растянем дело творения. Примеры приведу позже; сейчас речь идет о ложном, но приятном ощущении, которое дает постепенность. Так, нервная старушка, впервые севшая в машину, боится меньше, если ее везут помедленней.

Уэллс признал себя пророком; и одно из его пророчеств пошло ему же во вред. Как ни странно, его первая утопия прекрасно отвечает на его последнюю книгу¹⁵. Машина времени заранее опровергла удобные выводы, основанные на том, что время относительно. В этом дивном кошмаре герой видит, как зелеными ракетами взвиваются деревья, зем-

---

¹⁴ В свиней превращала моряков Кирка (в пер. В. Жуковского – Цирцея) – персонаж поэмы Гомера «Одиссея».

¹⁵ Первая книга Уэллса – «Машина времени» (1895); последними, в момент написания «Вечного Человека», были «Очерк истории» (1920) и «Краткая история мира» (1922).

ля вспыхивает зеленым пламенем травы и солнце словно метеор проносится по небу. Однако все это не стало менее естественным; точно так же и то, о чем я говорил, не становится менее сверхъестественным, если возникает медленно. Вопрос в том, почему это возникает вообще. Все, кому этот вопрос понятен, знают, что он – религиозный, на худой конец – философский или метафизический, и почти наверное не сочтут ответом простое замедление. Рассказ не меняется от того, с какой быстротой его рассказывают, и любую сцену в кино можно замедлить, по-иному вращая ручку.

Мы слишком сложны, чтобы думать о первобытном. Стараясь показать изначальную древность, я прошу читателя вместе со мной поупражняться в простоте. Под простотой я понимаю не глупость, а ясность – способность видеть жизнь, а не ученые слова. Лучше ускорить машину времени и увидеть, как растет трава, взвиваются в небо деревья, если это поможет нам яснее, живее, четче понять, в чем дело. Мы действительно знаем, сами знаем, что вокруг растут трава и деревья, что странные создания держатся в воздухе, размахивая причудливыми веерами, другие создания не гибнут под толщей воды, третьи ходят по земле на четвереньках, а самые странные из всех встали на дыбы. Вот это – правда, перед ней и эволюция, и даже Солнечная система – просто теории. Я пишу об истории мира, а не философствую и потому отмечу только то, в чем согласны все философы: два великих скачка покрыты тайной – происхождение мира и проис-

хождение жизни. Многие догадались, что есть и третья тайна, происхождение человека, что третий мост был перекинут над третьей бездной, когда появились разум и воля. Возникновение человека – скорей революция, чем эволюция. Да, у нас есть позвоночник, как у рыб, птиц и млекопитающих, что бы этот факт ни значил. Но если мы сочтем человека животным, вставшим на задние лапы, все, что он делает, покажется нам таким диким, словно он встал на голову.

Чтобы начать историю человека, приведу один пример. Он покажет, что я имею в виду, когда говорю, что детство мира не поймешь без детской простоты. Покажет он и то, что я имею в виду, когда говорю: смесь популярной науки с журнальным жаргоном запутала сведения о главных, первых фактах и мы не видим теперь, какие из них – главные. Наконец, он покажет, пусть на одном примере, что я думаю, когда говорю: надо видеть различия, придающие истории четкость, а не тонуть в общих словах о постепенности и единообразии. Поистине, как сказал сам Уэллс, нам нужен краткий очерк истории – мы должны уточнить ее очертания. А у той истории, которую пишут сторонники эволюции, очертаний нет или, по слову мистера Манталани¹⁶, у них черт знает какие очертания. Главное же, пример этот покажет, что я думаю, когда говорю: чем больше мы тщимся увидеть в че-

---

¹⁶ Мистер Манталани – персонаж романа Ч. Диккенса «Николас Никльби» (1838–1839). Эпитеты «дьявольский» и «черт знает какой» мистер Манталани применяет решительно ко всему, в том числе и к формам очаровавших его женщин.

ловеке животное, тем меньше человек на животное похож.

В наши дни книги и газеты наперебой описывают популярного героя, которого называют Пещерным Человеком. Видимо, все хорошо, даже лично с ним знакомы. Его психологию серьезно учитывают и враги, и авторы романов. На сколько я понял, он чаще всего бил жену и вообще, как говорят теперь, обращался с женщиной «без дураков». Не знаю, первобытные ли дневники или сообщения о разводах легли в основу таких воззрений. Мало того, я никак не могу понять, почему, если фактов нет, надо считать наиболее вероятными именно эти поступки. Нам непрестанно толкуют, что человек тех времен то и дело размахивал дубинкой и, прежде чем уволочь даму, стучал ее по голове. Нет, не пойму, почему у столь грубого самца столь щепетильная самка! Может быть, Пещерный Человек был истинным зверем, но отчего бы ему быть грубее самих зверей? Браки жираф и ухаживания бегемотов обходятся без таких ужасов. Может быть, он был не лучше пещерного медведя – но юная медведица, воспитанная детьми, не проявляет яростной тяги к безбрачию. Словом, семейная жизнь пещерных людей удивляет меня и при вере в эволюцию, и без этой веры. Во всяком случае, я хотел бы доказательств, но никак их не найду. И вот что странно: мы знаем тысячи сравнительно ученых и сравнительно литературных сплетен о несчастном человеке, которого зовут Пещерным, но никто и не упомянет о том, о чем мы вправе говорить. Туманный термин употребляют в двадцати туман-

ных смыслах, но никак не подумают, что же он действительно нам сообщает.

Словом, в Пещерном Человеке интересно все, кроме одного: что же он делал в пещере. К счастью, мы кое-что об этом знаем. Знаем мы немного, доисторических свидетельств вообще мало, зато связано это с настоящим человеком и с его пещерой, а не с книжным человеком и с его дубинкой. Мы лучше увидим правду, если рассмотрим, а не отбросим это реальное свидетельство. В пещере нашли не страшную дубинку, обогренную женской кровью, и не ряды треснувших, словно яйца, женских черепов. Она не оказалась тайной комнатой Синей Бороды¹⁷. Она вообще никак не связана с модными фразами, мудрыми домыслами и литературными толками, которыми нас заморочили. Если мы действительно хотим увидеть хоть в щелочку утро мира, лучше принять это открытие как сказку утренних стран. Много лучше рассказать о нем просто, как о золотом руне¹⁸ или о саде Гесперид¹⁹, чтобы из тумана теорий выйти к чистым цветам и четким очертаниям зари. Старые сказители знали хотя бы, как рассказывать. Порой они лгали, но не лукавили, не под-

---

¹⁷ Синяя Борода – персонаж сказки французского писателя Ш. Перро (1628–1703). В тайной комнате Синей Бороды хранились трупы замученных им жен.

¹⁸ Золотое руно – знак власти, принадлежало Эту, царю Колхиды (Грузии). Греческие аргонавты во главе с Язоном похитили руно и привезли его в Грецию.

¹⁹ Сад Гесперид – по греческому преданию, в этом саду росли золотые яблоки, которые, как и руно в мифе об аргонавтах, сторожил дракон. Поход за яблоками Гесперид был одним из подвигов Геракла (Геркулеса).

гоняли события под теории и философские системы, выдуманные через много столетий. Хорошо, если бы нынешние ученые переняли слог древних путешественников, которые не знали длинных, неточных, безответственных, назойливых слов. Тогда мы определили бы, что знаем мы о Пещерном Человеке или хотя бы о пещере.

Пастырь и мальчик вошли в горное дупло и по проходу, под землей, проникли в потаенный горный лабиринт. Они проползали сквозь тесные трещины, ползли по туннелям, где пролез бы разве что крот, падали в норы, выбраться откуда не легче, чем выбраться из колодца, и много раз оказывались в могиле, не надеясь на воскресение. Так бывает, когда исследуют пещеры, это обычно, но сейчас нам нужно рассказать об этом как о чем-то необычном и единственном. Например, символично и странно, что в потаенный мир первыми проникли священник и ребенок, воплощение древности и воплощение юности мира. Здесь мне важнее то, что воплощал мальчик. Всякому, кто помнит детство, незачем говорить, что такое проникнуть под крышу корней и продвигаться вглубь, все глубже, пока не достигнешь того, что Уильям Моррис²⁰ назвал корнями гор. Представьте, как маленький человек, одаренный простым реализмом, неотъемлемым от невинности, лезет и лезет все дальше не для того, чтобы что-то доказать в скучном журнальном споре, а для того, чтобы найти и увидеть. Увидел он и нашел пещеру, далекую

---

²⁰ Моррис Уильям (1834—1896). Английский поэт-романтик.

от дневного света как легендарная пещера Дом-Даниэль²¹, лежавшая под морским дном. Когда каменная келья озарилась светом после многовековой ночи, на стенах ее оказались большие странные фигуры, и, следуя за линиями, мальчик и священник узнали руку человека. То были изображения зверей, а рисовал их или писал не только человек, но и художник. Как ни первобытны они и ни просты, в них видна любовь к длинной линии, осторожной и причудливой, которую узнает всякий, кто хоть раз пытался рисовать. Глядя на нее, ни один художник не поддастся ученому. Линия эта выражает ищущую, смелую, творческую душу того, кто не бежит от трудностей, а стремится к ним. Скажем, там есть олень, повернувший морду назад, к хвосту; все мы видели лошадь в этой позе, но мало кто из нынешних анималистов сумеет легко и точно ее нарисовать. По этой и многим другим деталям ясно, что художник смотрел на животных с интересом и, наверное, с удовольствием. В этом смысле он был и естествоиспытателем – естествоиспытателем естественным.

Нечего и говорить, даже мимоходом, что в этой пещере не было ничего, напоминающего о мрачных пещерах из газет, где грозно гудят отзвуки первобытности. Если можно судить о чем-либо по таким немногочисленным и древним следам, я назову ее пещерой человеческой и даже человеческой. Во

---

²¹ Пещера Дом-Даниэль фигурирует в «Продолжении арабских сказок» (позднее подражание «Тысяче и одной ночи» неизвестного автора). Эта пещера находится глубоко под дном моря у берегов Туниса, там учатся магии и приносят жертвы Сатане.

всяком случае, эти следы не дают оснований делать Пещерного Человека эталоном бесчеловечности. Когда автор сексуального романа пишет: «Красные искры заплесали в глазах Дагмара Даблдика, и он почувствовал, что в нем просыпается далекий пещерный предок»²², читатель будет разочарован, если Дагмар просто примется рисовать на стене коров. Когда психоаналитик говорит пациенту: «Вами движут подавленные инстинкты Пещерного Человека», он не имеет в виду тягу к рисованию или к мирным наблюдениям над травоядными. Мы знаем точно, что первобытный человек занимался этими безобидными делами, но у нас нет ни малейшего свидетельства о том, что он проделывал приписываемые ему гадости. Пещерный Человек сенсаций – это просто миф или, вернее, недоразумение. В мифе, по крайней мере, есть поэтическая правда, а ценность этого недоразумения в том, что оно оправдывает весьма современную распущенность. Если мужчина хочет стукнуть женщину, лучше его просто назвать хамом, не приплетая к этому делу Пещерного Человека, о котором мы знаем только то, что рассказали нам несколько безобидных и очень хороших рисунков.

Попробуем же посмотреть на эти рисунки просто, как смотрит ребенок. Если ребенок был из паствы священника, можно предположить, что ему привили хоть какой-то здравый смысл – тот здравый смысл, который передается в виде

---

²² Дагмар Даблдик в индексе персонажей английской литературы отсутствует. Весь отрывок – пародия, сочиненная самим Честертоном.

традиции. Тогда он решит, что древний человек рисовал животных на скале по той же самой причине, по которой он сам пытается рисовать их на грифельной доске. Человек рисовал оленя, как ребенок рисует лошадь, – потому что это интересно. Человек рисовал оленя с повернутой головой, как ребенок, закрыв глаза, рисует свинью, – потому что это трудно. Оба они – люди, братство людей объединяет их, и оно еще благородней, когда мост перекинут через пропасть веков, а не через пропасть сословий. Если бы мне сказали, что пещеру разрисовал святой Франциск из чистой пламенной любви к животным, я не смог бы это опровергнуть.

Одна моя знакомая предположила в шутку, что пещера была просто детским садиком, а цветных зверей рисовали для детей, как рисуют у нас слонов и жирафов. В этой шутке есть глубокий смысл. Рисунки даже не доказывают, что первобытные люди жили в пещерах; так, раскопав винный погреб в Бэлхеме (через много веков после того, как гнев людской или небесный уничтожит этот пригород), ученые не должны делать вывод, что люди среднего класса в эпоху Виктории²³ жили под землей. Пещера могла быть погребом, храмом, складом, убежищем, местом тайного собрания – она могла быть чем угодно. Но чем бы она ни была, дух пещерных рисунков ближе к детской, чем к атмосфере современной разнузданности и современного страха. Очень легко се-

---

²³ В эпоху Виктории – королева Виктория (1819–1901) правила Великобританией с 1837 года.

бе представить, что ребенку – современному ли, древнему ли – захочется погладить животных. И жест этот предварит другую пещеру и другого Ребенка²⁴.

Представим себе, что ребенка воспитал не священник, а ученый, один из тех ученых, которые считают животных и человека разными ступенями эволюции. Чему научит его каменная книжка с картинками? Он залез под землю и нашел изображение оленя, сделанное человеком. Но как бы глубоко он ни залез, он не найдет изображения человека, сделанного оленем. Это кажется трюизмом, на самом деле это – потрясающая тайна. Он может спуститься глубже глуби, найти утонувшие материки, далекие от нас, словно звезды, оказаться в сердце Земли, далеко от нас, словно невидимая сторона Луны; может увидеть в холодных ущельях или на каменных уступах иероглифы ископаемых, вымершие династии животной жизни, подобные разрозненным мирам, а не разным главам одного мира. Он найдет страшные и странные чудища, целый лес диковинных карикатур на коготь или палец, но нигде не найдет он когтя или пальца, который начертит бы хоть одну осмысленную линию на песке. Ребенок и не надеется на это, как не надеется он, что кошка отомстит собаке свирепой карикатурой. Присущий детям здравый смысл не позволит ученому ребенку надеяться на такую находку. Наверное, ему покажется странным, что люди, столь далекие от

---

²⁴ Ребенок – Христос, лежавший в пещере (яслях). По преданию, в яслях находились осел и вол (См. Лк. II).

него, ему близки, а животные, бродящие вокруг, так не похожи на него. Такой самый простой урок дает нам пещера с картинками; только он слишком прост, чтобы его запомнить. Человек отличается от животного качественно, а не количественно, и вот доказательство: рассказ о том, что человек нарисовал обезьяну, покажется скучным и плоским; рассказ о том, как умнейшая из обезьян нарисовала человека, все примут за шутку. Искусство – подпись человеческая.

Этой простой истиной должен бы начаться рассказ о самом начале. Поборник эволюции смотрит на разрисованную пещеру и ничего не видит, ибо она слишком велика, ничего не смыслит, ибо она слишком проста. Из деталей рисунка он пытается сделать сомнительные выводы, ибо не может увидеть все как есть, целиком. Он смутно рассуждает о том, вера тогда была или одно суеверие; о том, кто правил племенем, какие приносились жертвы, и о многом еще. В следующей главе я расскажу подробнее, как спорят теперь о первобытных истоках мыслей, особенно мыслей, связанных с верой. Здесь я использую пещеру как символ очень простой мысли: человек рисовал, звери – не рисовали.

Если человек, изобразивший оленя, был животным, как олень, тем удивительней, что он мог сделать то, чего олень не мог. Если он – обыкновенный продукт биологического развития, как звери и птицы, тем непонятней, почему он жил не так, как они. Если он произошел естественным путем, он еще сверхъестественней. Другими словами, всякая здравая

история должна начинаться с существа, ни на что не похожего. Откуда оно взялось и откуда взялось все, что с ним связано, – решать не историкам, а богословам и философам. Мы знаем одно: человек отличался от всех других тварей, ибо творил сам. Тем ли способом или другим, в пещерной тьме природы возникло невиданное – сознание, подобное зеркалу. Оно подобно зеркалу потому, что в нем отражается все прочее, и потому, что оно единственное на свете. Стол может быть круглее зеркала, а шкаф – шире, но только зеркало включает и стол, и шкаф. Человек – микрокосм, мера всех вещей²⁵, образ Божий. Только это можно узнать в пещере. Пришло время из нее выйти.

Человек – поистине странное существо; можно сказать, что он – странник и пришелец на Земле²⁶. Даже внешне он больше похож на пришельца, чем на порождение нашей Земли. Он не может спать в собственной шкуре, не может доверять собственным инстинктам. Он и волшебник, вооруженный чудесным орудием руки, и калека, вынужденный подпирать себя костылями мебели. У его сознания те же сомни-

---

²⁵ «Человек – мера всех вещей» – изречение древнегреческого философа Протагора (480–410 до н. э.).

²⁶ *Человек – странник и пришелец на Земле* – Ср.: «Странники мы перед Тобой и пришельцы, как и все отцы наши; как тень дни наши на земле и нет ничего прочного» (I Пар. XXIX, 15). Почти те же слова повторены в Псалмах (XXXVIII, 13). В Новом Завете они получают новое истолкование: «Все они умерли в вере, не получившие обетований, а только издали видели оные и радовались, и говорили о себе, что они странники и пришельцы на земле; ибо те, которые так говорят, показывают, что они ищут отечества» (Евр. XI, 13).

тельные преимущества и те же странные ограничения. Только его сотрясает прекрасное безумие смеха, словно в очертаниях вещей он увидел отблеск тайны, неизвестной самому миру. Только он знает тайну стыда – чувствует потребность скрывать основные и естественные отправления своего тела, словно догадывается о присутствии чего-то высшего, чем он сам. Мы можем хвалить его, можем ругать, как отступление от природы, но не можем обойти молчанием. Народ всегда знал это чутьем, пока в дело не вмешались умники, особенно те, которые призывают к «простой жизни».

Неестественно видеть в человеке естественное порождение природы. Это нездорово. Это грех против света, против дневного света меры, основы всего сущего. Чтобы видеть так, приходится произвольно отобрать нужные черты – самые низменные, совсем не важные – и забыть о других. Целый же, истинный человек ни на что не похож. И чем больше его свойств мы видим, тем поразительней он становится. Попробуем представить себе, что нечеловеческое или даже безликое сознание, знакомое с природой и ее путями, пытается заглянуть вперед. Что скажет ему о грядущем появлении человека? Первые люди покажутся ему не одним из сотни стад, нашедшим самое лучшее пастбище, и не одной ласточкой из ста, делающей весну. Они покажутся существами другого масштаба, нет, другого измерения, может быть, другого мира. Птицы выют гнезда, но это еще сильнее подчеркивает, как отличаются от них люди. Если бы птицы про-

сто ничего не делали, мы могли бы счесть их мыслителями квиетистского²⁷ или буддистского толка²⁸, безразличными ко всему, кроме размышлений. Но они строят, они довольны своими постройками, они щебечут от радости; и мы знаем, что между ними и нами – стена, невидимая, как стекло, о которое бьется птица. Представим себе, что некая птица вздумала строить, как человек. Попробуем представить, что она выбирает рогатые палочки и острые листья, чтобы выразить пронзительное благочестие готики, но обращается к широким листьям и темной глине, когда в мрачную минуту строит тяжелый храм Ваалу²⁹ и Астарте³⁰, или превращает гнездо в висячий сад Семирамиды³¹. Представьте, что она лепит маленькие статуи птичек, отличившихся в поэзии или политике, и прикрепляет их к краю гнезда. Представьте, что одна из тысяч птиц делает то, что делал человек в глубокой древности, и, честное слово, она не покажется вам продуктом естественного отбора и развития. Такая птица расскажет

---

²⁷ Квиетизм – христианское религиозное учение, возводящее в идеал пассивное подчинение воле Бога.

²⁸ Буддизм высшей целью считает достижение нирваны – освобождения от мира, преодоление зависимости от телесных и душевных стремлений.

²⁹ Ваал (Балу) – верховное божество западносемитских племен, один из главных соперников библейского Бога Ягве. От его имени производится одно из имен дьявола – Вельзевул.

³⁰ Астарта – богиня любви, супруга Ваала.

³¹ Семирамида – ассирийская царица IX в. до н. э. С ее именем связано сооружение в Вавилоне висячих садов – одного из «семи чудес света».

авгурам³² не о будущем, а о прошлом; она сообщит, что в мир явилось сознание с новым измерением, глубиной. Кто, кроме Бога, мог это предвидеть?

Нет и тени свидетельств, что это выработалось путем эволюции. Нет никаких доказательств, что переход произошел плавно и естественно. Говоря со всей строгостью науки, мы просто не знаем, как это возникло и что это такое. Быть может, прерывистый след из камня и костей кое-что сообщает нам о развитии человеческого тела. Ничто не рассказывает нам о становлении души. Вот ее нет, вот она есть, и мы не знаем, в какую секунду или в какие бесчисленно долгие годы она возникла. Что-то случилось вне времени, тем самым вне истории в общепринятом смысле слова. Историк должен принять это как должное – не его дело это объяснять. Не поможет ему и биолог. Стыдиться тут нечего. Ведь это реальность, данность, а история и биология привыкли иметь дело с фактами. Никто не осудит ученого, если он, увидев крылатую свинью, признает ее существование. Точно так же он вправе признать, что человек – чудище, потому что человек – это факт. Пусть живет спокойно в диком, несуразном мире или в мире, который породил столь дикое и несуразное существо, – ведь на реальность можно положиться, даже если ее не понимаешь. Так уж оно есть, и для большинства из нас этого достаточно. Но если нам все же захочется узнать, как человек сюда попал, если мы хотим связать его

---

³² Авгуры – римские жрецы, гадавшие по полету птиц.

со всем остальным, если мы действительно хотим увидеть, как он отделился от близкой ему среды, – нам придется обратиться совсем в другие инстанции. Нам придется расшевелить странные воспоминания и вернуться к очень простым грезам, если мы хотим, чтобы он не казался нам вырождением животного мира. Чтобы найти ему причину, мы коснемся со всем других причин и воззовем к другим авторитетам, чтобы он стал понятным или хотя бы вероятным. На этом пути нас ожидают страшные, знакомые, забытые истины, грозные лица, пламенный меч. Примите человека без объяснений, если вы можете притерпеться к необъясненному факту. Считайте его животным, если вы в состоянии ужиться с мифическим животным. Но если вы хотите связать концы с концами, вам придется поверить в нарастание чудес, возвещающих его появление под громами небесные и музыку сфер. Только тогда человек станет для нас естественным существом.

Глава 2

Современные ученые и первобытный человек

Немногие замечают, как мало знают ученые о доисторических временах. Чудеса науки непрестанно восхищают нас; но они возможны лишь потому, что фактов все больше. Когда речь идет об открытиях или изобретениях, доказательство — это опыт. Но никакой опыт не поможет создать человека или увидеть, как он был создан. Изобретатель может по-немногу создавать аэроплан, даже если он складывает цифры на бумаге или куски металла у себя во дворе. Когда он ошибется, аэроплан его поправит, свалившись на землю. Но если ошибется антрополог, рассуждающий о том, как наш предок жил на деревьях, предок, ему в поучение, с дерева не упадет. Нельзя взять к себе первобытного человека, как берут кошку, и смотреть, ест ли он себе подобных и умыкает ли подругу. Нельзя держать первобытное племя, как держат свору собак, и смотреть, насколько развиты племенные инстинкты. Словом, когда занимаешься прошлым, надо полагаться не на опыт, а на свидетельства. Однако свидетельств так мало, что они не свидетельствуют почти ни о чем. Почти все науки движутся по кривой, их непрестанно поправляют факты; наука же о первобытных взлетает ввысь по прямой,

ибо ее ничто не поправляет. Но ученые так привыкли делать выводы, что и здесь они придерживаются привычки, оправдавшей себя в других, более плодоносных краях. О гипотезе, сложенной из кусков кости, они говорят, как об аэроплане, сложенном из кусков металла. Дивная, победоносная машина возникла после сотни ошибок. Ученый, занимающийся первобытностью, может спокойно услаждаться первой же своей ошибкой и дальше не идти.

Мы справедливо говорим о долготерпении науки, но здесь справедливей говорить о ее нетерпении. Благодаря описанной трудности ученый слишком спешит. Гипотезы множатся столь быстро, что их лучше назвать выдумками, а никаким фактом их не поправишь. Самый честный антрополог не может знать больше антиквария. У него есть лишь обломки прошлого, и он может только держать их так же крепко, как держал его дальний предок обломок кремня. Причина у них одна и та же — это их единственное орудие, единственное оружие. Антрополог нередко потрясает им гораздо яростней, чем ученый, который может собрать и приумножить факты. Порой он становится почти таким же опасным, как собака, вцепившаяся в кость. Собака хотя бы не высасывает из кости теорий, доказывающих, что люди ни к собакам не годятся.

Как я заметил, нелегко завести обезьяну и смотреть, превратится ли она в человека. Опыта поставить нельзя; казалось бы, тогда скажи, что такое превращение вероятно. Но

ученому этого мало – он добывает свою кость или кучку костей и высасывает поистине удивительные вещи. Например, он нашел на Яве часть черепа, судя по форме, поменьше, чем у человека, а неподалеку – человеческую голень и нечеловеческие зубы³³. Если все это принадлежит одному и тому же существу (что не доказано), нам не так уж легко его себе представить. Но популярная наука легко и быстро создала законченнейший образ. Мы говорим о питекантропе, словно он обычный исторический деятель, вроде Питта³⁴ или Фокса³⁵, или Наполеона. В популярных книгах об истории мы видим его портреты рядом с портретами Карла I³⁶ или Георга IV³⁷. Все приметы его перечислены, все волоски сочтены, и, если мы ничего о нем не знаем, мы никогда не подумаем, что перед нами только часть черепа, голень и зубы. О нраве его говорят так, словно прекрасно с ним знакомы. Недавно я читал в одном журнале, что нынешние, белые яванцы живут не слишком праведно, а виной тому – несчастный питекантроп. Охотно верю, что они так живут, но не думаю, что все дело в

---

³³ Честертон имеет в виду находку на Яве – останки питекантропа (1920-е годы).

³⁴ Питт Уильям (1759–1806) – английский государственный деятель, премьер-министр с 1783 г.

³⁵ Фокс Чарльз Джеймс (1749–1806) – английский государственный деятель, соперник Питта.

³⁶ Карл I (1600–1649) – английский король с 1625 г. Казнен во время английской буржуазной революции.

³⁷ Георг IV (1762–1830) – английский король с 1820 г.

тлетворном влиянии нескольких костей. Как бы то ни было, костей слишком мало, чтобы заполнить пропасть между нами, людьми, и предком нашим, животным. Я ни в коей мере не отрицаю, что мы с ним связаны; я просто удивляюсь тому, как мало свидетельств нашей связи. Честный Дарвин это признал; потому и говорим мы о «недостающем звене». Но догматичным дарвинистам не по душе такой агностицизм, и термин этот, по сути своей отрицающий, стал положительным, как портрет. О повадках и виде «недостающего звена» толкуют все, хотя это не разумней, чем толковать о чертах пробела или прорехи.

В этом очерке я пишу об истории и религии человека и потому не буду строить догадок о том, каким он был до того, как стал человеком. Возможно, тело его развивалось из тела животного, но мы не знаем фактов, бросающих свет на происхождение его души. Мы ничего не знаем о доисторических людях по той простой причине, что в их время еще не было истории. Выражения типа «история доистории» разрешаются только рационалистам. Если бы священник упомянул о допотопном потопе, его непременно обвинили бы в некоторой нелогичности. Но кто обратит внимание на такие пустяки, читая ученые статьи современных скептиков? Тем не менее слова «история доистории» – совсем не точный научный термин. Они значат просто, что сохранились следы человеческой жизни от того времени, когда человек еще не начал говорить о себе.

Человеческая цивилизация старше человеческих воспоминаний. Люди оставляли образцы искусств раньше, чем занялись искусством письма, — во всяком случае, такого письма, которое мы можем прочесть. Человек не оставил рассказа о своей охоте, и потому все, что мы можем о нем сказать, будет гипотезой, а не историей. Тем не менее рисовал он хорошо, и нет оснований сомневаться, что рассказ его был бы хорошим. Ничем не доказано, что период, не завещавший нам письменных источников, был груб и примитивен. Если люди не писали связных рассказов, это не значит, что они не знали искусств и ремесел. Очень может быть, что на свете сменили друг друга многие забытые цивилизации и было много неведомых нам форм варварства. И какие-то из этих забытых и полузабытых культур были гораздо сложнее, гораздо тоньше, чем принято думать сейчас. Конечно, о ненаписанной истории человечества надо гадать очень осторожно. Как это ни прискорбно, осторожность и сомнение не в чести у современных поборников эволюции. Наша странная культура не выносит неведения. С тех пор как появилось слово «агностик», мы ни за что не хотим признать, что чего-то не знаем.

Однако наше невежество с успехом искупается наглостью. Наши утверждения так безапелляционны, что ни у кого не хватает духа к ним присмотреться; вот почему никто до сих пор не заметил, что они ни на чем не основаны. Еще недавно ученые доверительно сообщали нам, что первобытные лю-

ди ходили голыми. Ни один читатель из сотни, наверное, не спросил себя, откуда мы знаем, что носили люди, от которых осталось несколько костей. Они могли носить простые и даже сложные одежды, от которых не осталось следа. Плетения из трав, к примеру, могли делаться все искуснее, не становясь от этого прочнее. Если в будущем откапают развалины наших заводов, с таким же успехом могут сказать, что мы не знали ничего, кроме железа, и обнаружат открытие: фабрикант и управляющий ходили голыми или в железных шляпах и железных брюках.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.